

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 11

Москва
2011

Содержание

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<i>Апресян Р.Г.</i> Коммуникативный источник морального должествования	5
<i>Максимов Л.В.</i> «Коперниканский переворот» Канта в эпистемологии и проблема моральной допустимости лжи	30

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Зубец О.П.</i> Megalopsykhos, Magnanimus, Величавый	53
<i>Серебрянский Д.С.</i> Классический утилитаризм: основные теоретические проблемы	90
<i>Александров Л.Г.</i> Этика Г.С.Сковороды в «просвещенную» эпоху «раздвоения» морали	105

НОРМАТИВНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА

<i>Скарантино Л.М.</i> Насилие и великодушие: эпистемный подход	120
<i>Прокофьев А.В.</i> Климатическая справедливость: российский контекст	140
<i>Дженкс К.</i> После Беслана: детство, сложность и риск	164
Резюме	191
Summary	195
Об авторах	197

Д.С. Серебрянский

Классический утилитаризм: основные теоретические проблемы

Классический утилитаризм является этическим учением, которое чрезвычайно разнообразно по своему идейному содержанию. Подчас он соединяет в себе элементы, если не противоречащие друг другу, то, по меньшей мере, разноречивые. Значительная часть этой разноречивости связана с тем, что содержание классического утилитаризма формировалось в ходе заочной дискуссии между его основателями – Иеремией (Джереми) Бентамом и Джоном Стюартом Миллем. В силу этого историко-этическая реконструкция классического утилитаризма неизбежно превращается в сравнительное исследование теоретических позиций Бентама и Милля. Пункты, по которым может проводиться сопоставление взглядов Бентама и Милля, многочисленны. Среди наиболее значимых: понимание природы человека, сущность счастья и условия его достижения, модели принятия морального решения, интерпретация субъекта «наибольшего счастья». В данной статье проведен анализ сходств и различий между позициями «отцов-основателей» утилитаризма по этим вопросам. Он позволяет более полно и корректно отразить суть классического утилитаризма как особого явления этической мысли.

Счастье как ценность и цель

Классический утилитаризм традиционно понимается как этическое учение, утверждающее в качестве главной ценности – счастье, а в качестве главной цели действия – достижение «наи-

большого счастья наибольшего числа людей»¹. По мысли представителей классического утилитаризма, в основе всех человеческих действий лежит стремление людей к счастью, понимаемому как «существование, наивозможно свободное от страданий и наивозможно богатое наслаждениями»². Только счастье ценно само по себе. Все остальное представляет ценность лишь постольку, поскольку способствует его – счастья – осуществлению. Отсюда следует заключение, что нравственность может существовать лишь как средство достижения счастья, она зависима от этой цели, как часть от целого. Само же «счастье есть критерий нравственности, потому что часть необходимо заключается в целом»³.

Стремление к счастью, согласно Бентаму и Миллю, является фундаментальной данностью человеческой природы. Именно на этом стремлении основывается вводимый ими принцип полезности, который «полагает величайшее счастье всех тех, о чьем интересе идет дело, истинной и должной целью человеческого действия», причем «целью, единственно истинной и должной и во всех отношениях желательной»⁴. Другими словами, полезным, по мнению классиков утилитаризма, может быть признано то действие или явление, которое способствует достижению счастья, а вредным – то, которое достижению счастья препятствует. Принцип полезности является единственным принципом, которому необходимо следовать, поскольку только он обладает объективной принудительной силой. Многие современные исследователи воспринимают превращение удовлетворенности существованием в единственный практический ориентир как первый квалифицирующий признак утилитаризма. Так, А.К.Сен помещает его в число трех основных черт утилитаристской этики и обозначает с помощью

¹ См.: Этика: Энцикл. словарь / Под ред. Р.Г.Апресяна и А.А.Гусейнова. М., 2001. С. 507; Encyclopedia of Ethics / Ed. by L.C.Becker, C.B.Becker. Vol. I–III. N.Y.–L., 2001. P. 1737.

² Милль Дж.С. Утилитарианизм // Милль Дж.С. Утилитарианизм. О свободе. СПб., 1900. С. 107. См. также: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 9, 93.

³ Милль Дж.С. Утилитарианизм. С. 149. См. также: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. С. 9, 111; Милль Дж.С. Утилитарианизм. С. 99, 143, 149.

⁴ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. С. 9. См. также: Милль Дж.С. Утилитарианизм. С. 106.

термина «велферизм» (позиция, подразумевающая, что критерием оценки того или иного действия всегда является благосостояние заинтересованного в нем субъекта)⁵.

Следует признать, что слово «счастье» для обозначения универсальной цели человеческих действий является не вполне удачным. Трудно концептуализируемое, оно вызывает объективные затруднения для понимания, а тем более признания утилитаризма. Недаром многие философы видели слабость подобных эвдемонистически ориентированных теорий именно в чрезвычайной общности и неопределенности предлагаемых ими критериев. Так, Дж. Ролз вполне резонно замечал, что «то, что приносит истинную и прочную выгоду, если она должна простираться на все существование, всегда покрыто непроницаемым мраком», поскольку является результатом «целокупности действительно бесконечного ряда причин»⁶. Однако существует возможность исправления этой ситуации, если в качестве центрального термина утилитаристской этики использовать концепт «реализация интересов». При подобном обозначении основной цели утилитаристского субъекта мы отходим от смутного понятия «счастье» и обращаемся к анализу и сопоставлению более или менее точно идентифицируемых явлений⁷.

Согласно бентамовской антропологии, о человеке как таковом нельзя сказать ничего более конкретного, чем то, что ему свойственно стремление к счастью, а также, что он обладает способностью к рациональному определению составляющих счастья и способов его достижения⁸. По сути дела, с точки зрения Бентама, в качестве состояния, способного называться счастьем, может быть принято любое состояние индивида, если только он согласится

⁵ См.: Сен А. Свобода и основы справедливости // Сен А. Развитие как свобода. М., 2004. С. 77.

⁶ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 258.

⁷ Есть, конечно, и иные, уточняющие содержание велферистской установки термины, активно используемые в утилитаристской теории, например «удовлетворенность предпочтений» (см.: Harsanyi J. Expectation Effects, Individual Utilities, and Rational Desires // Rationality, Rules, and Utility. New Essays on the Moral Philosophy of Richard B. Brandt / Ed. by B. Hooker. Oxford, 1993. P. 115–126), «удовлетворение желаний» (см.: Griffin J. Well-being: Its Meaning, Measurement, and Moral Importance. Oxford, 1988. P. 21–74) и т. д. Однако необходимость такого уточнения была осознана лишь в XX столетии.

⁸ См.: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. С. 100, 111, 144.

с тем, что определенное положение вещей приносит ему максимальное удовольствие. Этот тезис Бентам подтверждает тем, что представления о счастье заметно варьируются от поколения к поколению, от нации к нации. А если они и остаются до некоторой степени неизменными, то данное обстоятельство не дает достаточных оснований для того, чтобы рассматривать устойчивые параметры счастья в качестве отражения его сущностных характеристик. Единственное, что в таком случае может рассматриваться в качестве счастья, – это то, что считает счастьем большинство. Если каждый человек обладает своим собственным представлением о счастье, не совпадающим на обязательной основе с представлениями о нем других людей, то, имея в виду необходимость обеспечивать «наибольшее счастье наибольшего числа людей», приходится опираться на мнение большинства как на своего рода голос третьей стороны. Этот теоретический ход позволяет Бентаму уйти от солипсизма в сфере морали и от потенциальной практической несостоятельности утилитаристской этики.

Мнение Милля по данному поводу существенно расходится с мнением Бентама. Согласно Миллю, человек как существо, отличное от всех других созданий природы, обладает присущими только ему, а значит конституирующими его как человека особенностями. «Благородство характера» – вот что отличает человека от всех других существ⁹. Развитие этого «благородства» не просто желательно для человека. Нет ничего более естественного для него, чем переживание «чувства собственного достоинства»¹⁰. Представляется, что в данном случае Милль предлагает схему, аналогичную той, которая была выработана еще Аристотелем, постулировавшим существование мыслительных и нравственных добродетелей, являющихся характерной чертой человеческого естества¹¹.

Предложенную Миллем парадигму отыскать у Бентама не представляется возможным. Система Бентама не предполагает существования чего-то, коренным образом соответствующего или не соответствующего природе человека. Некоторые формы поведения,

⁹ Милль Дж.С. Утилитарианизм. С. 106.

¹⁰ Там же. С. 102–103.

¹¹ См.: Аристотель. Евдемова этика. М., 2005. С. 29–31, 33 (см. подробнее об аристотелианстве Милля: Nussbaum M.C. Mill between Aristotle & Bentham // Daedalus. 2004. Vol. 133. № 2. P. 60–68).

согласно Бентаму, признаются правильными или неправильными, достойными или недостойными, однако эти констатации вовсе не являются сущностными характеристиками самих этих поведенческих структур, а вытекают из условий совершения того или иного действия. По Бентаму, можно с точностью сказать лишь то, что в *данном* обществе в *данный* период времени *данная* форма поведения приветствуется или осуждается по *данной* причине. Однако это не означает, что поименованная форма поведения приветствуется или осуждается как таковая¹². С точки зрения Бентама, нельзя, например, сказать, что определенная культура деградировала или выродилась. Можно лишь констатировать тот факт, что была «культурализованна» новая форма поведения, отличная от прежней¹³.

В системе Милля произвольное перемещение низкого и возвышенного невозможно даже помыслить. Если такая смена обозначений происходит, то лишь в силу коренного заблуждения отдельных индивидов или сообществ. Счастье для Милля всегда означает «и приятное, и прекрасное» одновременно¹⁴, а решение вопросов о том, что считать соответствующим или несоответствующим принципу полезности, поручается не большинству, а экспертам, людям, «равно испытавшим два удовольствия и равно способным ценить и пользоваться обоими», однако отдающим предпочтение тому из них, которое удовлетворяет их высшим потребностям¹⁵.

В адрес Милля вполне закономерно может возникнуть вопрос: какова связь между деятельностью, которая способствует совершенствованию человека, и деятельностью, которая ведет к его счастью? Ведь человек, не обладающий «благородством», тем не менее может ощущать себя счастливым. Ответ на этот вопрос определяется тем, что для Милля представления о содержании счастья тесно смыкаются с представлениями о содержании «желательного» или «должного». Утилитаристская этика требует заботиться о достижении «наибольшего счастья наибольшего числа

¹² См.: *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. С. 144.

¹³ См.: Там же. С. 111, 144. Интересное рассуждение, дополняющее данную мысль Бентама, хотя и не относящееся напрямую к классическому утилитаризму, содержится в «Обществе потребления» Ж.Бодрийяра (см.: *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. С. 8).

¹⁴ Там же. С. 98.

¹⁵ Там же. С. 102.

людей», а как иначе оно может быть достигнуто, если не культивированием «благородства»? Именно «благородство», по мысли Милля, является условием мирного и кооперативного сосуществования людей, и «если еще можно допустить какую-нибудь возможность, усомниться в том, действительно ли благородство характера всегда делает человека более счастливым, то уже ни в каком случае не возможно ни малейшее сомнение, что оно делает более счастливыми других людей и что вообще все другие люди весьма много от этого выигрывают»¹⁶.

Модели принятия решений

Классический утилитаризм – учение, в котором была предпринята попытка применить к области морали идеал рационального и доказательного мышления. Рациональность в данном случае – это не только соответствие законам чистой мысли, но и опора на факты. Можно даже сказать, что методология классического утилитаризма по своей сути эмпирична. Как отмечалось выше, протагонистом всех рассуждений классиков утилитаризма является индивид, способный к рациональному постижению того, что составляет содержание счастья, а также к рациональному определению путей его достижения в мире, как он есть. Это нормальный, средний человек, обладающий тем, что Бентам называет обыкновенной долей благоразумия¹⁷. Рациональность вменяется ему в качестве обязательного свойства и выступает условием того, что этика вообще может быть построена. Кроме того, отличительной чертой эмпирической моральной рациональности утилитаризма является ее консеквенциалистский характер. Нравственный разум требует судить о действии по его результатам, т. е. по тому, способствует ли оно приращению счастья и в какой мере. Это еще одна характеристика, которую А.К.Сен считал необходимым внести в само определение утилитаристской этики¹⁸.

Постоянная отсылка к изменчивой области наличных фактов, характерная для Бентама, делает во многом бесполезным рассуждение о конкретном инвариантном содержании рациональных

¹⁶ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. С. 106.

¹⁷ См.: Там же. С. 114, 117.

¹⁸ См.: Сен А. Свобода и основы справедливости. С. 77.

(нравственных) решений и действий. На первое место у него выходит описание метода их удостоверения в качестве рациональных (нравственных) или, другими словами, метода выявления того, способствуют ли они достижению «наибольшего счастья». Так любое действие, согласно Бентаму, должно быть оцениваемо смотря по тому, удовольствия какой «интенсивности», «продолжительности», «несомненности», «близости», «плодовитости», «чистоты» и, наконец, какого «распространения», оно порождает¹⁹. В том случае, провозглашает Бентам, если некоторое действие ведет к удовольствию или сопровождается им, оно должно быть совершено. Если же данное действие ведет к страданию или сопровождается им, от его совершения необходимо отказаться.

Анализ предложенного Бентамом метода принятия нравственных решений позволяет утверждать, что философ являлся прямым предшественником той теоретической позиции, которая некоторое время спустя получила название утилитаризма действия. Внимание Бентама сконцентрировано именно на отдельном поступке и на том влиянии, которое он оказывает на реализацию интересов затронутых им лиц. Предложенная Бентамом «моральная арифметика» предельно рационализирует нравственную практику и, по его мнению, дает основания для безошибочного определения наилучшей из доступных альтернатив²⁰. При этом Бентам не ставил своей целью сформировать свод правил поведения, практиковать которые необходимо всегда, или же правил, которые в любой ситуации соответствуют принципу полезности. Он полагал, что сделать это априори невозможно. Любая норма, с точки зрения Бентама, должна предполагать возможность своей ситуативной корректировки²¹.

Для того, чтобы наше понимание бентамовской позиции сохраняло полноту и точность, необходимо учитывать, что Бентам все же не считал необходимым подведение баланса удовольствий и страданий для каждого действия. Утилитаристский расчет количества счастья применительно к последствиям принятого решения указывает на *идеальную форму* выявления рационального (нравственного) акта в конкретной ситуации²². Эта оговорка призвана учесть реалии нрав-

¹⁹ См.: Сен А. Свобода и основы справедливости. С. 41–43.

²⁰ См.: Там же. С. 42–44.

²¹ См.: Бентам И. Тактика законодательных собраний. Челябинск, 2006. С. 2–4.

²² См.: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. С. 44.

ственной практики, в которой расчет часто бывает просто невозможен. Таким образом, требование подсчитывать количество благ и зол до некоторой степени элиминируется самим Бентамом, становится для него идеальной процедурой, способы и условия применения которой во многих практических контекстах остаются неясными. В связи с этим существенно еще одно замечание Бентама. Он утверждает, что при невозможности более или менее точного учета всех сценариев развития ситуации, порожденных определенным действием, от совершения этого действия необходимо отказаться²³. Подобное утверждение является способом противодействия опрометчивому поведению. И из текстов Бентама не ясно, как далеко он готов идти, практикуя подобную предосторожность. Однако даже при самом скромном развитии этой мысли предполагаемый Бентамом расчет оказывается лишен абсолютной точности. Утилитаристский нравственный субъект вынужден действовать на свой страх и риск.

Милль считает требования «моральной арифметики» Бентама изначально невыполнимыми и противопоставляет им другой преобладающий способ практической ориентации, а именно – исполнение правил поведения, имеющих утилитаристское обоснование. Впоследствии этот подход, доведенный до своей логической чистоты, получил название утилитаризма правила. Обсуждая «моральную арифметику», Милль указывал на то, что ее применение сталкивается с целым рядом трудностей. Как объединить в одной оценочной перспективе несоизмеримые аспекты человеческого существования? Например, как молодой человек, уходящий из родительского дома, может оценить преимущества, связанные с обретением самостоятельности и определенной доли свободы, в сравнении с потерями от отсутствия постоянного контакта с близкими? Или как установить, что действительно содействует счастью в ситуациях, включающих в себя неопределенное и неограниченное количество взаимодействующих элементов? Например, как выявить исчерпывающий ряд факторов, которые делают наше высказывание о другом человеке болезненным и обидным для него? Список подобных затруднений можно продолжать и продолжать. Общий пафос рассуждения Милля сводился к следующему: нет никакой необходимости перед совершением каждого поступка

²³ См.: *Bentham J. A Fragment on Government // The Works of Jeremy Bentham. Vol. 1. Edinburgh, 1843. P. 285–288.*

всякий раз заново рассчитывать, какие последствия он будет иметь для частного или общего блага. Во множестве случаев совершенному поступку может и должен предшествовать не расчет, а обращение к опыту, своему или чужому²⁴. Подобный отход Милля от «рационального» (т. е. постоянного «арифметического» удостоверения правильности действий) в сторону «иррационального» (т. е. их соотношения с традицией и мнением) по иронии судьбы был гораздо более практически пригодным и, в конечном счете, более рациональным, нежели модель Бентама²⁵.

Причину возникновения концепции «моральной арифметики» можно усмотреть в том, что утилитаризм Бентама был рассчитан на реализацию не столько в индивидуальном, сколько в социальном бытии, и являлся, прежде всего, этико-политической доктриной. Требуемый Бентамом постоянный тщательный расчет всех *pro et contra*, которые могли бы быть высказаны относительно некоторого действия, становится объяснимым, если мы примем во внимание, что этот расчет был нацелен, прежде всего, на рациональное решение политических задач. Здесь речь идет, скорее, о совершенствовании приемов и способов государственного администрирования, нежели о выработке модели поведения, применимой в частной повседневной практике²⁶. Однако утилитарист бентамовского толка вынужден действовать и вне политической арены, в качестве частного индивида. На вопрос, чем ему руководствоваться в этой ипостаси, концепция Бентама удовлетворительного ответа не дает. Милль же, в отличие от Бентама, сосредоточен на анализе условий достижения и сохранения индивидуального счастья. Модель, предлагаемая Миллем, предназначена для решения вопросов как общественного, так и частного бытия.

²⁴ См.: Милль Дж. С. Утилитарианизм. С. 124.

²⁵ Миллевская отсылка к опыту, конечно же, не является безусловной. Там, где опоры на опыт недостаточно, где возможен или необходим точный расчет, Милль предлагает процедуру, которая аналогична той, что была выработана Бентамом: оценка альтернатив в свете характера и масштаба последствий, а также их открытое обсуждение на основе свободного и непредвзятого обмена мнениями (см.: Там же. С. 101, 105). Это свидетельствует о том, что Милль не являлся в полном смысле слова утилитаристом правила. Однако он стал основателем общей тенденции, ведущей в сторону создания этой версии утилитаристской этики.

²⁶ См.: Бентам И. Тактика законодательных собраний. С. 2–4.

Субъект «наибольшего счастья»

Велферистские и консеквенциалистские послылки классического утилитаризма соединяются в единую теоретическую схему в связи со знаменитой формулой «наибольшее счастье наибольшего числа людей». Ее предельно общее содержание прозрачно: при совершении действия необходимо учитывать интересы всех затрагиваемых этим действием лиц. Однако здравый смысл подсказывает, что учесть интересы всех и каждого в полной мере и без изыятий невозможно. Поэтому анализируемая формулировка приобретает хоть сколько-то определенное значение только в том случае, если использующий ее теоретик решил для себя проблему нахождения оптимального баланса интересов, предложил способ их одновременного учета. А.К.Сен обозначил эту черту утилитаризма как «суммарная оценка»²⁷. Однако такое обозначение оказывается не совсем верным даже для позиции классиков утилитаризма, поскольку одновременный учет интересов не для всех из них принимал форму простого суммирования.

Выражаясь кратко и во многом упрощая реальное положение дел, можно сказать, что если в центре внимания Бентама находится, по преимуществу, счастье преобладающей группы или общности²⁸, то Милль делает акцент на счастье всего человечества и даже, как он выражается, «мировой пользе»²⁹. Бентам полагал, что при совершении действия мы должны руководствоваться интересами большинства. Он, конечно же, никогда не противопоставлял счастье отдельной, пусть и преобладающей группы лиц счастью всего

²⁷ Сен А. Свобода и основы справедливости. С. 77.

²⁸ См.: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. С. 10.

²⁹ Милль Дж.С. Утилитарианизм. С. 117. См. также: Smart J.J.C., Williams B. Utilitarianism: for and against. L., 1973. P. 27–28. Данное разграничение, конечно, не абсолютно. Так, в поздних изданиях «Введения в основания нравственности и законодательства» Бентам, рассуждая о способах принятия политических решений, вменяет в обязанность политикам учитывать интересы той группы, которую можно назвать подавляющим большинством граждан (см.: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. С. 14.). Даже формулировка «польза человечества» для него не совсем чужда (см.: Burns J.H. Happiness and Utility: Jeremy Bentham's Equation // Utilitas. 2005. Vol. 17. № 1. P. 46–49). Однако такое расширение принципа пользы для Бентама имеет маргинальный характер.

человечества. В идеале они должны совпадать. Однако признание необходимости следовать интересам большинства – закономерное следствие несовершенного устройства бытия. Если учет интересов всех зачастую невозможен, то единственным средством «распространения» счастья является увеличение счастья большинства³⁰. Другой, уже не только практической, но и теоретической причиной понимания «наибольшего счастья» как счастья большинства является то, что, согласно Бентаму, не существует никаких абсолютных ценностей, помимо ценности достижения возможно большей степени счастья возможно большим количеством людей. Это, в свою очередь, означает, что не существует и четко определенных критериев, которые могут служить мерилем того, что составляет или должно составлять «материю» счастья. На этом фоне арифметические соображения, соображения количественного преобладания остаются единственным прибежищем утилитариста.

Такое решение проблемы учета интересов вызывает вполне справедливые нарекания. Дж. Ролз в своей «Теории справедливости» продемонстрировал, что в этом случае «сообщество затронутых сторон» выступает для принимающего решение человека как один, неразграниченный, неразделенный субъект³¹. И это крайне сомнительно с точки зрения морали, поскольку открывает возможности для использования другого человека или группы людей «только в качестве средства» – средства для обеспечения интересов большинства³². Милль, в отличие от Бентама, проявлял определенную чувствительность к такого рода аргументам. Согласно его теоретической позиции, основным условием достижения всеобщего счастья является максимальная свобода человека от мнений и желаний других людей³³. Конечно, данная свобода не является абсо-

³⁰ См.: *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. С. 10.

³¹ См.: *Ролз Дж.* Теория справедливости. С. 36. См. также: *Гобхаус Л. Т.* Либерализм // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (первая половина XX века). М., 2000. С. 108.

³² Решая эту проблему, современный утилитаризм предлагает концепцию так называемой «собирающей» беспристрастности, которая предполагает, что распределение выгоды и ущерба должно быть приемлемо для каждого (см.: *Brink D.O.* Some Forms and Limits of Consequentialism // *Oxford Handbook in Ethical Theory.* Oxford, 2006. P. 410).

³³ См.: *Милль Дж. С.* Утилитарианизм. С. 107.

лютной. Будучи членом некоторого общества, человек ограничен свободой других его членов. Однако, согласно Миллю, признание ценности интересов другого не должно быть пагубным для самого индивида, не должно наносить ему вред или причинять значительные неудобства. Этот вывод не должен создавать впечатления, что Милль ставит принцип свободы выше принципа полезности. Скорее, он полагает его в качестве основного утилитаристски обоснованного правила, следование которому, вероятнее всего, ведет ко всеобщему счастью. Наличие таких правил и позволяет Миллю заменить бентамовский субъект «наибольшего счастья», позволяет обсуждать не счастье отдельного сообщества или его большинства, а счастье человечества в целом.

Продолжая данное рассуждение, Милль разделяет (хотя и не вполне отчетливо) действия по справедливости и действия по благожелательности³⁴. Первые морально обязательны и представляют собой, если использовать терминологию А.А.Гусейнова, «негативные поступки»³⁵ – отказ от совершения таких действий, которые нарушают законные интересы других лиц. Ответом на вопрос, почему мы должны совершать подобного рода поступки, является коренное для Милля убеждение в том, что каждый человек обладает правом на самоопределение, а также тезис о существовании таких «социальных полезностей, которые далеко превосходят все другие полезности своей важностью, и потому более абсолютны и более непреклонны в своих требованиях, чем другие»³⁶. В последнем случае имеется в виду потребность каждого человека в безопасности, которая служит основой неотчуждаемых прав и соответствующих им безусловных обязанностей. Второй род действий – действия по благожелательности (такие, например, как благотворительность). Согласно Миллю, они не являются обязательными, их совершение есть предмет доброй воли самого деятеля. Таким образом, забота частных лиц о благе общества может ограничиваться одним лишь отказом от причинения ущерба другим его членам. Непосредственным предметом озабоченности общественная польза должна быть, прежде всего, для политических функционеров, чьей основной обязанностью является ее преумноже-

³⁴ См.: Милль Дж.С. Утилитарианизм. С. 184–185.

³⁵ Гусейнов А.А. Негативная этика. СПб., 2007. С. 21.

³⁶ Милль Дж.С. Утилитарианизм. С. 192.

ние³⁷. Сохранение этих нормативных разграничений и соблюдение охарактеризованного выше «разделения труда» в сфере реализации нравственных целей также являются вполне реальным путем к достижению счастья всего человечества или «мировой пользы».

Итоги

Итак, основные «демаркационные линии» между теоретическими позициями Бентама и Милля можно провести следующим образом.

1. Все свои рассуждения Бентам и Милль основывают на том факте, что все люди стремятся к счастью. Мораль, следовательно, должна исходить из этого стремления и служить его осуществлению. Вместе с тем Бентам полагает, что о счастье нельзя сказать ничего более конкретного, кроме того, что оно состоит в наличии удовольствий и отсутствии страданий. «Материя» счастья специфична в каждом конкретном случае. Милль же считает, что счастье основано на развитии человека как по природе своей «благородного» существа.

2. Проблема методологии принятия решения и совершения на его основе действия также рассматривается классиками утилитаризма по-разному. Если Бентам математизирует анализ возможных результатов действия и предлагает принимать решение на основе постоянного сравнения количественных характеристик порождаемого им удовольствия, то Милль отказывается от такой методики и уделяет гораздо большее значение опирающимся на опыт нормам в качестве основы для совершения правильного поступка.

3. Наконец, если Бентам ищет способ обнаружить действие, которое ведет к реализации интереса «наибольшего числа людей» и поэтому обсуждает счастье отдельных групп, то Милль старается найти возможность для достижения всеобщего счастья. Условием последнего, с точки зрения Милля, является соблюдение автономии индивида.

Этическая проблематика классического утилитаризма, конечно же, не нова. То, что счастье является главной целью человеческого существования, что в основе поведения людей должен ле-

³⁷ См.: Милль Дж. С. Утилитарианизм. С. 118.

жать учет чужих мнений и интересов, что этическая теория должна организовывать жизнь по законам рациональности и т. д., – все это было сказано задолго до появления классического утилитаризма. Новизна утилитаристского учения состояла в том, что в нем эти компоненты были соединены для возвращения этике того практического статуса, который предполагался за ней при самом ее зарождении. Основатели этого учения предприняли серьезную и тщательную попытку обеспечить ориентацию этического рассуждения на рациональное и по возможности гуманное решение любых задач и проблем, возникающих перед человеком действия в его приватной и общественно-политической практике.

Библиография

1. *Аристотель*. Евдемова этика. М.: ИФ РАН, 2005.
2. *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998.
3. *Бентам И.* Тактика законодательных собраний. Челябинск: Социум, 2006.
4. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006.
5. *Гобхаус Л.Т.* Либерализм // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (первая половина XX века). М., 2000. С. 83–182.
6. *Гусейнов А.А.* Негативная этика. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007.
7. *Милль Д.С.* Утилитарианизм // *Милль Д.С.* Утилитарианизм. О свободе. СПб., 1900. С. 89–192.
8. *Ролз Д.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1995.
9. *Сен А.* Свобода и основы справедливости // *Сен А.* Развитие как свобода. М., 2004. С. 72–107.
10. *Этика: Энцикл. словарь* / Под ред. Р.Г.Апресьяна и А.А.Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.
11. *Bentham J.* A Fragment on Government // *The Works of Jeremy Bentham*. Vol. 1. Edinburgh, 1843. P. 221–297.
12. *Brink D.O.* Some Forms and Limits of Consequentialism // *Oxford Handbook in Ethical Theory*. Oxford, 2006. P. 380–424.
13. *Burns J.H.* Happiness and Utility: Jeremy Bentham's Equation // *Utilitas*. 2005. Vol. 17. № 1. P. 46–49.
14. *Encyclopedia of Ethics* / Ed. by L.C. Becker, C.B.Becker. Vol. I–III. N.Y., L.: Routledge, 2001.
15. *Griffin J.* Well-being: Its Meaning, Measurement, and Moral Importance. Oxford: Oxford Univ. Press, 1988.
16. *Harsanyi J.* Expectation Effects, Individual Utilities, and Rational Desires // *Rationality, Rules, and Utility*. New Essays on the Moral Philosophy of Richard B. Brandt / Ed. by B.Hooker. Oxford, 1993. P. 115–126.
17. *Nussbaum M.C.* Mill between Aristotle & Bentham // *Daedalus*. 2004. Vol. 133. № 2. P. 60–68.
18. *Smart J.J.C., Williams B.* Utilitarianism: for and against. L.: Cambridge Univ. Press, 1973.